

A man and a woman are standing in a snowy, wooded landscape. The man, on the left, is wearing a dark fur hat with a gold emblem and a light-colored, ornate military-style coat with gold buttons and epaulettes. The woman, on the right, is wearing a light-colored, high-collared dress with lace and puffed sleeves. Both are looking towards the camera. The background shows snow-covered trees and a bright sky.

Ингвар Восходов

**Пепел
Березины**

Ингвар Восходов Пепел Березины

<https://litres.ru/74572473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июнь 1812 года. Блестящий бал в подмосковной усадьбе, шелест шелка, звуки мазурки и юношеские клятвы в вечной любви. Поручик Алексей Воронцов уезжает на войну с Наполеоном, веря в кодекс чести, гуманизм и быструю победу. Его жена Елена остается в Москве, охраняя хрупкий мир их семейного гнезда.

Но летняя пыль под Смоленском пахнет гарью, а Бородинское поле встречает их не славой, а кровавой грязью и смертью друзей. Иллюзии рушатся быстрее, чем картечь пробивает мундиры. Великая Армия Наполеона входит в Москву, но вместо ключей от города находит лишь пепелище и звенящую пустоту.

Роман «Пепел Березины» — это история не о парадах и генералах, а о том, как война перемалывает человеческую душу. Это честный и беспощадный взгляд на Отечественную войну 1812 года через призму судеб обычных людей.

Содержание

Часть первая. Июньский зной	4
Глава 1. Бал в Петровском	4
Глава 2. Пыль Немана	10
Глава 3. Дымящийся Смоленск	16
Часть вторая. Августовское железо	22
Глава 4. Шевардинский редут	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ингвар Восходов

Пепел Березины

Часть первая. Июньский зной

Глава 1. Бал в Петровском

Июнь 1812 года выдался в Подмосковье сухим и душным. Липы в усадьбе Петровское уже отцвели, но их тяжелый, приторный аромат, казалось, намертво въелся в накрахмаленные манжеты гостей, в тяжелые портьеры малой гостиной и в сам воздух, неподвижный и густой, как растопленный воск.

Бал давали по случаю именин хозяйки, но истинным виновником торжества был ее сын, поручик Алексей Воронцов, неделю как приехавший в краткосрочный отпуск из Вильно. Ему шел двадцать шестой год, и в этот вечер он чувствовал себя центром вселенной. В бальной зале, освещенной сотнями свечей, было тесно от шелка, пудры и бриллиантов. Крепостной оркестр, выписанный Воронцовыми из Италии еще при матушке-императрице, играл мазурку. Алексей вел в танце юную княжну Трубецкую. Он безукоризненно считал шаги, вовремя щелкал шпорами, но мысли

его были далеко.

Накануне из Вильно прибыл фельдъегерь. Письма, которые Алексей прятал во внутреннем кармане мундира, жгли кожу сквозь сукно. Корпуса Даву и Удино стягивались к Неману. Говорили, что разъезды уже видят на том берегу польскую конницу.

— Вы наступили мне на шлейф, мон шер, — капризно протянула княжна, вырывая Алексея из задумчивости.

— Простите великодушно, Софи, — он улыбнулся той ослепительной, пустой улыбкой, которой обучался в петербургских гостиных. — Я раз мечтался о том, как въеду в Париж через три месяца.

Вокруг засмеялись.

Пухлый дипломат из Коллегии иностранных дел, обмахиваясь веером, изрек:

— К зиме, господа, клянусь! Бонапарт не выдержит нашей зимы, как не выдержал ее швед под Полтавой. Мы их шапками закидаем! У них дух не тот, одна фанаберия.

— Дух, Платон Матвеевич, хорош для застольных тостов, — раздался за спиной Алексея низкий, чуть надтреснутый голос.

Отец, отставной генерал-аншеф Петр Сергеевич Воронцов, стоял в дверях залы. Он не танцевал уже лет десять из-за раненой под Измаилом ноги. В своем неизменном темно-зеленом сюртуке, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, он выглядел среди этого цветника стальным надгробием.

Генерал тяжело оперся на трость и обвел взглядом смеющиеся лица.

— Вы думаете, Буонапарте — это заносчивый капрал, которого можно высечь розгами? Вы читаете его прокламации, господа, но не читаете ведомостей его артиллерии. У него пушек больше, чем у нас здравого смысла. Он не пойдет на Петербург, где болота и гвардия. Он ударит здесь, по старой смоленской дороге. Он пойдет на Москву. И война эта, если начнется, не кончится к Покрову. Она выжжет нам нутро.

В зале повисла неловкая тишина. Музыка словно споткнулась.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, — подал голос хозяин дома, — да что ж ему в нашей Москве? У него своя Тюильри есть.

— А у нас есть наша глупость, — отрезал старик. — И наша земля, которую он хочет. Алексей! — вдруг повысил он голос, найдя глазами сына. — Проводи отца до кабинета. У меня для тебя пакет.

Они вышли из душеной залы на каменную террасу, где вечер наконец принес прохладу. Генерал тяжело дышал, опираясь на руку сына.

— В пакете дорожная и деньги, — сказал он, когда за ними закрылась дверь кабинета, пропахшего кожей, табаком и старым деревом. — Чтобы завтра же, с рассветом, ехал в полк. Отпуск твой окончен.

— Батюшка, но ведь еще не объявлено... — начал было

Алексей. — Объявят, когда ты уже под Ошмянами будешь, — генерал подошел к бюро, налил себе воды из графина. Рука его заметно дрожала. — Слушай меня внимательно, Алеша. И не как отец, а как старший офицер. Война будет страшной. Не такой, как мы ходили на турка. Там мы дрались за Очаков, за клочок берега. А здесь он придет за всем. За нашей верой, за нашим языком. И чтобы его остановить, придется стать зверем. Ты понял? Придется жечь свои же избы, чтобы ему негде было спать. Придется убивать не ради чести, а ради того, чтобы он сдох от голода в наших снегах. Твоя наука, твои французские стишки и кодекс чести — все это сгорит в первом же костре. Запомни это. И береги людей. Солдат — он не патрон, его в подсумок не положишь.

Алексей молчал, глядя на седые виски отца. Впервые в жизни он видел в этом железном старике не генеральскую спесь, а глухой, животный страх за него.

Когда он спустился обратно в залу, мазурка кончилась. Елена стояла у приоткрытого окна, выходящего в сад. На ней было платье цвета слоновой кости, простое, без лишних рюшей, которое лишь подчеркивало ее высокую, легкую фигуру. Она не плакала, но ее пальцы так сильно сжимали веер, что костяшки побелели.

— Леля, — тихо позвал Алексей. Она обернулась. В полумраке ее глаза казались огромными и черными. — Я уеду завтра на рассвете.

— Я знаю. Отец сказал.

— Это ненадолго. К Покрову, самое позднее. Я дал слово старикам Трубецким, что буду на крестинах, а это в октябре. К первому снегу я буду здесь. Мы откроем с тобой этот балкон, выпустим тепло и будем пить чай с ледника.

Он говорил быстро, отчаянно, пытаясь звуком собственного голоса отогнать ту липкую жуть, что поселилась в груди после разговора с отцом.

Елена смотрела на него долго, а потом шагнула вплотную. Она расстегнула верхнюю пуговицу его мундира, просунула руку за пазуху, к самому сердцу, и нащупала холодный металл.

— Носи, — она надела на серебряную цепочку, на которой уже висел его нательный крест, маленький, потертый по углам медный складень.

— Это дедовский. Он под Нарвой был. Говорят, пуля в него ударила и срикошетила.

Складень был теплым от ее тела. Алексей поцеловал ее холодные пальцы, пахнувшие розовой водой.

— А это тебе, — он вложил ей в ладонь тяжелый, холодный латунный ключ. — От моего кабинета. От стола, где рукописи. Я не сжег наброски по фортификации, помнишь, ты ругалась, что я сажей измарал скатерть? Сохрани.

Это был не просто ключ от секретера. Это был ключ от его мира, от его прошлого, от того Алексея Воронцова, который читал Руссо и верил в вечный прогресс. Он оставлял этот мир ей на хранение, уходя в другой, где правил порох

и страх.

— До первого снега, — прошептала она, сжимая ключ в кулаке так, что края латуни больно впились в кожу.

— До первого снега, — эхом отозвался он.

Внизу, в бальной зале, снова грянул оркестр — на этот раз кадрили. Звонкая, легкомысленная музыка поплыла по анфиладам, смешиваясь с запахом липового цвета. Где-то там, за сотни верст к западу, через темную воду Немана уже наводили понтонные мосты. Но здесь, в Петровском, июнь был вечным, а война казалась дурным сном, который не может пересечься с реальностью мазурки, бриллиантов и обещания вернуться к чаю на леднике. Алексей еще раз коснулся губами лба Елены, пахнувшего лавандой, резко развернулся и, чеканя шаг по наборному паркету, пошел к выходу, где в сенях уже переминался с ноги на ногу Гаврила с его походными сундуками.

Глава 2. Пыль Немана

Двадцать четвертое июня выдалось на редкость знойным. Неман, еще вчера казавшийся широкой, ленивой серой лентой, под палящим солнцем обмелел и обнажил свои топкие, поросшие осокой берега. Воздух дрожал над водой, пахнувшей тиной и паленой костью — французские саперы жгли костры прямо на гальке, пытаясь просушить порох, отсыревший от утренней речной сырости.

Поручик Алексей Воронцов стоял на восточном, русском берегу, в редком ольшанике, и смотрел на тот, западный. Там, насколько хватало глаз, шевелилось море. Это не было похоже на стройные колонны, которые он привык видеть на маневрах в Красном Селе. Это была живая, многоголовая, чешуйчатая гидра. Пыль стояла столбом, превращая синюю форму французов, зеленые мундиры пруссаков и белые — баварцев в единый буро-серый саван.

Земля дрожала. Гул тысяч копыт, скрип тысяч несмазанных обозных колес и низкий, утробный гул разговоров на десятке языков сливались в один звук — звук надвигающегося конца света.

В штабе полка, расположенном в наспех разбитой палатке, царила удушливая неразбериха.

— Где пакет от генерала Коновницына? — хрипел седой полковой командир, обмахиваясь пыльной треуголкой.

— Черт бы побрал этих курьеров! Где левый фланг? Егеря должны были занять опушку час назад!

Адъютанты метались с картами, которые ветер тут же сворачивал в свитки. Связи не было. Донесения, отправленные утром с казаками, словно проваливались в пустоту. Алексей сидел на зарядном ящике, пил теплую, тухловатую воду из фляги и смотрел на свои руки. Они были черными от въевшейся пыли. Пыль была везде: на зубах, под ногтями, в складках мундира. Она пахла гарью чужих костров и чужим, враждебным потом.

Внезапно со стороны реки донесся сухой треск пистолетных выстрелов и пронзительный, гортанный клич.

— Уланы! Польские уланы! — закричал кто-то из дозорных. Из-за поворота дороги, ведущей к броду, вынесся десяток всадников. Они не были похожи на картинных кавалеристов из французских гравюр. Это были дьяволы. Грязные ментики развевались за плечами, длинные пики с пестрыми флюгерами летели горизонтально над головами лошадей. Они не атаковали строй — они просто вырезали русский казачий пикет, стоявший в низине.

Алексей видел, как пика вошла в спину казаку, как тот сложился пополам, а улан, не выдергивая оружия, просто пустил коня вскачь, волоча тело по пыльной траве.

«Вот оно, — пронеслось в голове у Алексея. — Не плац. Не учебная атака. Просто грязь, кровь и пыль».

На западном берегу, на холме, поросшем сухим вереском,

стоял капитан Жюльен де Бовилье. Его сапоги были начищены до зеркального блеска — денщик надраил их перед самым переправой, и теперь на них, как на сапогах Алексея, лежал слой чужой земли, но Жюльен этого не замечал. В его кармане лежал свежий, еще пахнувший типографской краской приказ по Великой армии.

В нем черным по белому было написано: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом. Россия увлекается роком судьбы...» Жюльен смотрел на переправу с благоговением инженера и поэта. Триста понтонов, сбитых за одну ночь. Тяжелые орудия гвардии, плавно покачивающиеся на плотках. Конница, входящая в воду так, что кажется, будто сама река расступается перед волей императора.

— Грандиозно, не правда ли? — обратился он к стоявшему рядом адъютанту Мюрата.

Тот, жуя соломинку, равнодушно кивнул.

— Если русские не пожгут мосты, к вечеру будем в Ковно.

Вечером, когда последние лучи солнца окрасили пыль над Неманом в цвет запекшейся крови, Жюльен достал из полевой сумки сафьяновый бювар.

«24 июня 1812 года, — вывел он идеальным парижским почерком. — Мы перешли границу. Император начал кампанию, равной которой не знала история. Тридцать наций идут на Восток. С холма, где я пишу эти строки, армия кажется не войском, а саранчой, затмевающей солнце. Ди-

кая, первобытная земля. Эти бесконечные леса, эти плоские, унылые равнины лишены всякого изящества, но в них есть варварское величие. Мы несем сюда порядок. Через месяц, самое большее через два, мы будем в Москве. Я уже вижу себя на Тверском бульваре. Мы будем пить их странный чай, есть их черную икру и учить этих скифов пользоваться носовыми платками. Император обещал, что война кончится в Вильно. Он никогда не ошибается».

Он спрятал бювар. Внизу, в долине, пели трубы, созывая полки на ночевку. Где-то далеко, на востоке, глухо ухнуло — это русские саперы подорвали первый склад с провиантом.

Первый настоящий бой случился через три дня, под деревней с труднопроизносимым названием Мир. Русскому арьергарду было приказано задержать французскую кавалерию, чтобы основные силы успели оторваться и сжечь склады в Несвиже.

— Сомкнуть строй! — скомандовал полковник. — Стрелять только по команде! Целься в лошадей!

Полк Алексея стоял в каре посреди сжатого поля. Рожь была выжжена солнцем до состояния соломы, которая хрустела под ногами. Жара стояла невыносимая. В горле першило от порохового дыма, который не хотел рассеиваться в стоячем воздухе. Из-за гряды холмов вынеслась лавина. Французские кирасиры. Закованные в кирасы и шлемы, они казались не людьми, а механическим орудием убийства. Земля загудела. Алексей вскинул штуцер. Руки, только что уве-

ренно державшие карту, ходили ходуном. Он целился в переднего всадника, но видел лишь блеск стали и оскаленную пасть коня. Выстрелы ударили нестройным хором. Передний кирасир вылетел из седла, но лавина даже не замедлилась.

— С колена! Вторая шеренга — пли!

И в этот момент Алексей увидел прапорщика Сеницына. Мишеля Сеницыну было девятнадцать. Он был из той же породы московских мальчиков, что и сам Алексей — писал плохие стихи, зачитывался Шиллером и мечтал о подвигах. Сейчас Мишель лежал на спине в пыли. Его лошадь, обезумев от запаха крови, волочила его за ногу, запутавшуюся в стремях. Голова прапорщика билась о сухие комья земли. Он не кричал — из разбитого рта вырывался только клекот. Алексей бросился к нему, забыв про строй. Он схватил повод, пытаясь остановить лошадь. Удар копыта пришелся ему в плечо, швырнув в рожь.

Когда он поднялся, Мишель был уже неподвижен. Его светлые, всегда смеющиеся глаза остекленели и смотрели в белесое, равнодушное небо. А пыль, та самая неманская пыль, уже покрывала его лицо тонким серым слоем, стирая черты. Вокруг шла битва. Свистели палаши, ржали кони, и кто-то дико, по-звериному выл рядом. Алексей поднял штуцер Сеницына. Он больше не целился в лошадей. Он выстрелил в первого попавшегося всадника — в живот. Тот переломился пополам и рухнул под копыта своих же товарищей.

Атаку отбили. Кирасиры откатились назад, за холмы, уно-

ся раненых. Полк понес потери в двадцать человек убитыми. Полковник, морщась от раны в предплечье, прохрипел: — Добре стояли. К наградам представляю.

Но Алексей не слышал. Он сидел на земле рядом с телом Мишеля и смотрел на свои руки. На них была не только пыль. Под ногтями запеклась чужая кровь, а на ладони алел свежий порез от лошадиного зуба. Иллюзия о «красивой войне», о поединках чести и благородных пленниках, которую он привез с собой из Москвы, умерла здесь, в пыли и ржаной соломе под Миром. Война оказалась не бравурной мазуркой. Она была тяжелой, грязной, вонючей работой. Работой мясника. И он только что поступил к ней в подмастерья.

Глава 3. Дымящийся Смоленск

Середина июля пахла гарью. Не тем праздничным, ярмарочным дымом, что стелется над кострами, а тяжелым, жирным смрадом горящего жилья.

Вторая Западная армия Багратиона и Первая Барклая-де-Толли, наконец соединившись, медленно, с арьергардными боями откатывались к Смоленску. Земля Смоленщины, изрезанная оврагами и уставленная вековыми курганами, гудела от топота тысяч ног и перестука колес.

Для Алексея Воронцова война до этого дня была движением. Пыль, усталость, короткие стычки. Но здесь, на дорогах, ведущих к древнему граду, она впервые обрела лицо. Они втягивались в вереницу беженцев. Это была не просто толпа, это была река человеческого горя, текущая по обочинам. Телеги, на которых вместо мешков с зерном громоздились перины, иконы в тяжелых окладах и детские люльки.

Запах стоял невыносимый: едкий пот, немытые тела, кислая вонь прелой соломы и сладковатый, тошнотворный запах тления — где-то позади, в оставленных деревнях, французы уже начали жечь фураж. Над дорогой стоял непрерывный, ледяющий душу гул. Плакали младенцы, которых нечем было кормить. Старухи, раскачиваясь из стороны в сторону, тянули заунывные псалмы. Мужики шли молча, почернев от солнца и пыли, толкая перед собой тачки со скарбом. Алек-

сей, ехавший верхом во главе своей роты, впервые почувствовал себя чужим на этой земле. Его солдаты, сами вчерашние крепостные, смотрели на этих людей без брезгливости, с какой-то глухой, тяжелой тоской.

— Ваше благородие, — тронул его за стремя старый егеря Никифор. — Гляньте.

На обочине, прямо в пыли, сидела молодая баба. Рядом с ней лежал сверток из рядна. Она не плакала. Она просто смотрела перед собой пустыми глазами, а сверток не шевелился. Ребенок умер еще утром от солнечного удара, но у матери не было сил отойти от дороги. Двумя днями ранее Алексей отправил вперед, к Смоленску, своего дядьку Гаврилу. Поручик понимал: если французы возьмут город внезапно, родовое серебро и, что важнее, архив с купчими и письмами отца превратятся в пепел.

— Гаврюша, — говорил он тогда, передавая ключи от обитых железом сундуков. — Возьми телегу. Архив — в ноги, серебро — под сено. Встретимся у Молоховских ворот. Ни одной бумажки чтобы не пропало. Это честь наша.

Гаврила, кряжистый, с седой бородой, только поклонился. Он правил старой кобылой, когда за поворотом на Краснинский тракт уткнулся в стену людей. Это были погорельцы из какой-то дальней деревни. Они шли, шатаясь, черные от копоти. Впереди мужик тащил на руках мертвую девочку лет пяти. За ним брели еще человек тридцать — бабы, старики, дети с распухшими от голода лицами.

Гаврила натянул вожжи.

— Куда, родимые? — окликнул он.

— К Смоленску, кормилец, — прохрипел мужик с девочкой. — Там, сказывают, армия стоит. Может, хлеба дадут. А нет — так хоть в крепостной стене от ветра укроемся.

Гаврила посмотрел на свои сундуки. Под сеном, переложенные войлоком, лежали сотни фамильных рублей, дедовские табакерки, матушкины жемчуга и тяжелая шкатулка с векселями. А на него смотрели глаза людей, которые не ели со вчерашнего дня. Внутри старого дворового человека, воспитанного в понятиях «мы — ваши, а вы — наши», что-то надломилось. Барская честь, о которой твердил Алексей, вдруг показалась ему куском холодного, несъедобного железа.

— А ну, сымай! — рывкнул он, спрыгивая с облучка. — Сымайте сено!

Мужики отшатнулись, решив, что их сейчас будут грабить.

— Чего рты раззявили? — прикрикнул Гаврила, багровея. — Бабы, дети, лезьте в телегу! До города верст пять, пешком не дойдете, сомлеете. А вы, мужики, берите сундуки. Тащите их вон в тот ельник! Заройте под корнями, да приметнее место запомните. Вернусь — сочтемся. А коли не вернусь — ваше будет, Бог вам судья.

Он сам, надрывая жилы, выволок тяжелую шкатулку и поволок ее в лес. Руки его дрожали не от натуги — от страха

перед гневом молодого барина. Но когда он увидел, как изможденные бабы падают в телегу, забиваясь в сено, как отрок, тянувший за собой козу, благодарно крестится на его спину, страх за серебро сменился тяжелым, но светлым чувством исполненного долга. Он спасал не добро. Он спасал людей.

Пятого августа головные части дивизии Неверовского вошли в Смоленск. Город встретил их звоном колоколов и запахом гари. Алексей стоял на Королевском бастионе — древнем земляном валу. Внизу, под кручей, тяжело нес свои воды Днепр. А за спиной, внутри древних стен, кипел ад. Наполеон бросил на город корпуса Нея, Даву и Понятовского. Французы лезли на стены, как муравьи. Русские штыками сбрасывали их в ров, но на смену убитым лезли новые.

— Картечью по ним! Гуще! — хрипло командовал полковник, и чугунные стаканы картечи выкашивали штурмовые колонны.

Но самым страшным было не то, что творилось на валу. Самым страшным был город. К вечеру французские ядра подожгли предместья. Сухое дерево, тесные улочки — огонь пожирал Смоленск с жадностью голодного зверя. Ветер гнал пламя от Молоховских ворот к Днепру. И тогда Алексей увидел то, что навсегда выжгло в нем остатки юношеского романтизма.

Русская артиллерия, стоявшая на Покровской горе, начала бить по собственному городу. Тяжелые двенадцатифун-

товые единороги изрыгали пламя. Бомбы с шипением летели через стену, падали в тесные дворы, где метались обезумевшие от ужаса жители. Взрывы разносили в щепки крыши домов, поджигая то, что еще не тронул огонь наступающих французов.

— Что они делают? — ошеломленно спросил Алексей у стоявшего рядом фельдфебеля.

— Приказ Барклая, ваше благородие, — спокойно, без всякого выражения ответил тот, протирая банником ствол оружия. — Не давать Бонапартию сухого места. Пусть берет головешки. Крыть по посадку, по кровлям, чтобы перекинулось.

Алексей смотрел, как над родным, русским городом встает исполинский гриб черного дыма, подсвеченный снизу алым. Он слышал крики людей, треск балок собора, и этот звук смешивался с торжественным басом крепостных колоколов, которые не успели снять. В этот момент он впервые осознал страшную математику этой войны. Чтобы победить, нужно было стать страшнее врага. Русское командование готово было платить любую цену, и первой этой платой был Смоленск — город, отданный не французам, а огню. К ночи, когда стены уже не могли сдерживать натиск, поступил приказ об отходе. Оставив за спиной пылающий ад, русские войска начали переправу через Днепр.

Алексей шел в арьергарде. Лицо его было черным от пороховой копоти и смоленской пыли, но под этой грязью тек-

ли холодные, горькие слезы бессильной ярости. И он понимал, что это только начало.

Часть вторая. Августовское железо

Глава 4. Шевардинский редут

Двадцать пятое августа 1812 года.

Воздух над Бородинским полем был сухим, неподвижным и тяжелым, как свинец. Солнце, еще по-летнему яростное, клонилось к закату, окрашивая в багровый цвет не только редкие облака, но и пыль, поднятую тысячами сапог. Левый фланг русской позиции, где стояла дивизия Алексея Воронцова, тонул в лихорадке последних приготовлений. Прямо перед ними, на кургане у деревни Шевардино, чернел на фоне неба недостроенный земляной редут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.